

INQUISITIO 1) разыскание, изыскание, исследование; 2) отыскивание, поиски, розыски; 3) *юр.* приискивание поводов к жалобе, подыскивание доказательств обвинения

В его затылке вырезали сегментообразный кусок. Вместе с солнцем туда заглядывает весь мир. Это нервирует его, отвлекает от работы, кроме того, его злит, что именно он должен быть исключен из спектакля.

Тогда-то он и сталкивается с решающим моментом истории, когда кажется, что все поставлено под вопрос, когда закон, вера, Государство, потусторонний мир и мир прошлого – все – без труда и усилия проваливается в небытие.

Мессия придет только тогда, когда необходимости в нем уже не будет; он придет в день после пришествия – не в последний день, а в самый последний.

Его ушная раковина на ощупь свежа, шершава, прохладна, сочна – как лист.

Всего лишь слово, всего лишь молитву, всего лишь вздох, всего лишь подтверждение тому, что ты еще жив и ждешь. Нет, не надо молитвы – всего лишь вздох, даже не вздох – всего лишь присутствие, даже не присутствие – всего лишь мысль, даже не мысль, а просто покой сна.

Мессианическое время – это оперативное время, которое пульсирует во чреве хронологического времени, которое торопит его, и подтачивает, и преобразует изнутри; это время, которое нам требуется, чтобы довести время до конца, и в этом смысле мессианическое время – это *время, которое нам остается*.

Рассеянное по всему телу (аппарату) Европы чувство, которое нужно притом отконвоировать туда, где оно рассеется дымом.

Он даже чувственно не ощутим, его воплощение не есть присутствие в мире, оно – хлынувшие от радости слезы. Стало быть, возвышенное, неосязаемая аффектация, ощутимое только сердцем присутствие. Как оно может предстать во плоти, если проповедник о нем только говорит? Не ему вызвать слезы. Плачут по благодати.

Короткий болезненный укол справа под глазом.

Подлинный образ прошлого *проскальзывает* мимо. Прошлое только и можно запечатлеть как видение, вспыхивающее лишь на мгновение, когда оно оказывается познанным, и никогда больше не возвращающееся. Ведь именно невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе.

Ибо проходит образ мира сего.

Террористы – это те, кто, желая абсолютной свободы, знают, что тем самым они желают своей смерти, осознают отстаиваемую ими свободу как осуществление этой смерти, так что вследствие этого еще при жизни они действуют не как живые люди среди живых людей, но как существа, обделенные существованием, как общие мысли, как чистые абстракции, – по ту сторону истории вершат суд и выносят решение во имя всей истории в целом.

Если наши представления о хронологическом времени как времени, *в котором мы находимся*, отделяют нас от нас самих, превращая нас как бы в бессильных зрителей себя самих, которые, не имея времени, лишь глядят и глядят на бегущее время, на свою непрестанную нехватку себя самих, – то мессианическое время, как время оперативное, в которое мы схватываем и исполняем наше представление о времени, есть время, *которым мы являемся*, – и потому единственное реальное время, единственное время, которое мы имеем.

Я совершенно определенно пишу это из-за отчаяния по поводу моего тела, по поводу будущего этого тела.

Я не могу разжечь костер, я не знаю молитвы, я не могу уже отыскать место в лесу, я не могу даже рассказать историю. Все, что я могу сделать, это рассказать, что я не могу больше рассказать эту историю. И этого должно хватить.

Как только бесклассовое общество было определено как бесконечное задание, пустое и гомогенное время тут же превратилось, так сказать, в приемную, где более или менее спокойно можно было ожидать наступления революционной ситуации. В действительности же нет ни одного мгновения, которое не обладало бы *своим* революционным шансом – надо только понять его как специфический, как шанс совершенно нового решения, предписанного совершенно новым заданием. Революционный мыслитель получает подтверждение своеобразного революционного шанса исходя из данной политической ситуации. Но не в меньшей степени подтверждением служит ключевой акт насилия мгновения над определенным, до того запертым покоем прошлого. Проникновение в этот покой строго совпадает с политической акцией, и именно этим проникновением акция, какой бы разрушительной она ни была, дает знать о себе как о мессианской.

Прими меня в свои объятия, в них глубина. Не хочешь сейчас, пусть – позже.

И в тот день каждый пророк устыдится видения, о котором возвещает.

Какая разница, кто говорит.

Зажатый между пророчеством и переживанием. Все время помнишь, что это произойдет, а происходит единственно то, что ты должен об этом вспоминать. И этого «должно хватить». Должно хватить даже того, что помнишь, что должен об этом помнить. Должно также хватить и того, что помнишь, что более этого не помнишь. Должно хватить, чтобы сберечь бесконечное и ожидание.

Я прохожу мимо борделя, как мимо дома возлюбленной.

Белошвейки в потоках дождя.

Сферой мессианского является не конец времени, а *время конца*.

Блуждание имеет своей целью пустыню, и ее приближение становится отныне новой Землей Обетованной.

Каталог для выставки, 2002

Александр Скидан